

Выявленные параллели свидетельствуют о влиянии на Островского во время создания «Бешеных денег» комедии Шекспира «Усмирение своенравной», причем заметно, что Островский использует собственный перевод шекспировских оборотов речи. Это объясняется тем, что Островский очень тщательно изучил шекспировскую комедию, посвятил ее переводу много времени, знал ее почти наизусть. Она оказалась близка драматургу, когда он размышлял о новых экономических и нравственных тенденциях развития России, как в свое время отразил новые пути развития европейской цивилизации великий Шекспир.

Библиографический список

1. *Magarshak D.* Notes to: Alexander Ostrovsky «Easy Money» and two other plays. London, 1944. P. 292.
2. *Hanson Lawrence.* Introduction to: Ostrovsky «Artistes and Admirers». A comedy in four acts. Translated from the Russian by Elisabeth Hanson. New York, 1970. P. vii – xxxvii.
3. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 10. М., 1978.
4. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М., 1978.
5. *Шекспир У.* Усмирение своенравной // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М., 1978.
6. *Сахновский В.* Режиссерский комментарий к комедии А. Н. Островского «Бешеные деньги». М., 1937.

Т. М. Денисова

*Костромской государственный
университет им. Н. А. Некрасова*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ XIX ВЕКА

И. С. Тургенев пришел на Запад первым, и именно по нему было составлено первое впечатление о русском искусстве, русском стиле, русской эстетике.

В Западной Европе XIX века Россию считали далекой и огромной страной, где очень холодно, много снега и по улицам бродят медведи. И когда перед европейцами Тургенев предстал образованным человеком со светскими манерами, они были поражены. Русский писатель говорил на нескольких языках, прекрасно разбирался не только в литературе, но и в живописи, музыке, философии. Он оказался очень интересным собеседником, был внимателен к окружающим. Приятная внешность Тургенева, мягкий характер, проницательный ум, а также литературный талант производили неизменно благоприятное впечатление на людей, знавших его.

Многие зарубежные критики, современники писателя пытались определить, что именно в его творчестве вызвало у них всеобщее признание. Одни выдвигали на первый план в качестве решающих причин популярности Тургенева совершенство его как художника, другие настаивали на том, что его

творчество включает в себе особый духовный мир, полный новизны и нравственной силы, третьи считали, что Тургенев впервые показал общественную жизнь и русских людей в таком освещении, которая позволила узнать их ближе, лучше и без всяких предубеждений. Для многих зарубежных литераторов, знавших Тургенева, он был «прекрасным гением молодости», совершенством и как художник, и как личность.

Имеются многочисленные свидетельства писателей, критиков, деятелей культуры Запада о первых впечатлениях, вызванных встречей с произведениями русского писателя.

Эннекен, например, писал о Тургеневе, который тогда представлял для него всю русскую литературу: «В восьми томах собрания его романов, где даны все образцы человеческой породы, от мужика до князя, от маленькой девчонки до умирающей старухи, всякое действующее лицо проявляет себя, существует, страдает, со всей силой, свойственной существу из плоти и крови. У него индивидуальные жесты, физиономия его тончайшим образом воспроизводится перед нами, оно индивидуально в своем внешнем облике, в своей манере выразиться и в своем поведении, в том, как оно живет и умирает; так постепенно образы, возникшие перед читателем, приобретают определенность, и он свыкается с ними <...> Автор добивается такого правдоподобия, что эти фантомы, взятые из немой книги, принуждают нас верить в них» (1 : 92).

Следует отметить, что такого рода оценки были наиболее типичными для западноевропейских работ о русской литературе эпохи Тургенева. При этом удивляет тот факт, что многие ранние суждения содержат, чуть ли не отрицание «художественности» русской литературы, и в то же время иностранцы видят в ней необыкновенную нравственную силу.

Знакомясь с русской литературой, читатели за рубежом поражались и другому: у каждого персонажа, какое бы социальное положение он ни занимал, есть душа, которая часто бывает не в порядке, которая может болеть и мучиться и которая нуждается в любви, жалости, сострадании. Вогюэ писал по этому поводу: «Он (Тургенев) не демонстрирует перед нами картин волшебного фонаря, он демонстрирует жизнь; факты сами по себе мало занимают его, он видит их сквозь душу человеческую и как они отражаются на моральной личности» (1 : 195).

Следует отметить, что русский художественный стиль и русская манера резко отличались от художественных навыков Запада. Для многих западных художников «проза» – повседневная жизнь человека, его материальный быт, его труд была областью, где писателю искать прекрасное, было запрещено: установилось убеждение – «прекрасное – это редкое». Оригинальность наших художников состояла в том, что они не признавали красоту живой силой вне обыденной жизни. Воздействие ее только усиливается, когда писатель раскрывает реальные условия, из которых она вырастает. В отличие от западных писателей, изображавших отдельные, наиболее художественные области жизни, русские писатели искали художественное качество повсюду, стремились сделать всю реальную действительность предметом для искусства.

Глубокая одухотворенность, поэтизация обыденных жизненных фактов и явлений природы, особый интерес к человеку, как центру мироздания, поиски

высокого смысла человеческого бытия сочетались в русской литературе с пронзительной правдивостью.

Примечательно, что глубокая правдивость русской литературы никогда не превращалась в натуралистическое копирование действительности, лишённое человеческой доброты. «Святая русская литература, святая, прежде всего в своей человечности» (Т. Манн), поразила западных читателей сочувствием к униженному и оскорбленному человеку. Для русских писателей не было «маленьких» людей. В любом, на первый взгляд, ничем не примечательном человеке они обнаруживали сложный, противоречивый внутренний мир, достойный художественного исследования. Именно это качество восхищало Жорж Санд в творчестве Тургенева. В предисловии к своему очерку «Пьер Бонен» (1872), посвященном русскому писателю она подчеркивает: «...Вам присуща жалость и глубокое уважение ко всякому человеческому существу, какими бы лохмотьями оно ни прикрывалось и под каким бы ярмом оно ни влачило свое существование. Вы реалист, умеющий все видеть, поэт – чтобы все украсить, и великое сердце – чтобы всех пожалеть и все понять» (1 : 141).

Когда французская читательская публика познакомилась с «Записками охотника», то один из рассказов сборника сразу же оказался в центре всеобщего внимания. Это были «Живые мощи». Особое впечатление произвела героиня этого рассказа, умирающая крестьянка Лукерья, на Жорж Санд и Мопассана, которые даже выразили желание написать свои «охотничьи рассказы» на манер тургеневских.

Что же поразило читателей в этом рассказе? Французский критик Э. М. де Вогиюэ, восхищенный произведением Тургенева, писал: «Если дать этот сюжет, представляю себе, как различные литературные школы взялись бы за него. Романтик доброго старого времени показал бы нам рок, неумолимо преследующий несчастное существо: выставил бы это существо живым протестом против мирового порядка <...> Другие писатели, знаменитые друзья Тургенева в старости его, не преминули бы прочесть нам по этому поводу курс патологии. Они с наслаждением бы анатомировали одеревенелые члены, открыли бы тайные раны, указали бы на все упраздненные органы в нервной системе и пришли бы к заключению: больная впала в идиотическое состояние. Писатель, горячо верующий преобразил бы по-своему эту мученицу: она явилась бы нам в ореоле, погруженная в мистическое состояние, поддерживаемая единственно силами небесными. Ничего подобного нет у Тургенева» (1 : 199).

Художественное своеобразие этого рассказа Вогиюэ видел в отсутствии натуралистических подробностей, в поэтической одухотворенности внутреннего мира простой крестьянки, которая, даже умирая, не теряет способности к состраданию ко всему живому вокруг: пчелам, ласточкам, курам и т. д. Особенность творческой манеры Тургенева, по мнению критика, заключалась в умении передать самые мимолетные звуки великой гармонии природы, передать их с бесконечно разнообразными оттенками.

Глубокая симпатия русских писателей к своим героям дала им возможность создать целую галерею положительных образов, отличающихся высокой моральной чистотой, благородством требований и запросов, предъявляемых ими к жизни. Очень выразительно в этом отношении сравнение Стефаном Цвейгом героев

русского и западноевропейского романов: «Раскройте любую из 50 тысяч книг, ежегодно производимых в Европе. О чем они говорят? О счастье. Женщина хочет мужа, или некто разбогатеть, стать могущественным и уважаемым. У Диккенса цель всех стремлений героя – милостивый коттедж на лоне природы, у Бальзака – замок с титулом пэра и миллионами. Кто из героев Достоевского стремится к этому? Никто. Ни один. Они нигде не хотят остановиться – даже в счастья. Они всегда стремятся дальше, все они обладают «горячим сердцем», которое приносит им мучения» (2 : 121–122). Сказанное Цвейгом с полным правом может быть отнесено не только к героям Достоевского, но и к героям Тургенева.

Русская литература, когда ее впервые широко узнали, стала контрастом европейскому искусству. Удивляясь ей, западные писатели этого периода искали в русской литературе духовно-нравственного обновления, старались уловить в ней недостающее им самим, отмечали для себя особенности русской манеры, пытались усвоить их.

Библиографический список

1. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1983.
2. Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. Л., 1929.

О. В. Белопухова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф. ШИЛЛЕРА В РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА 1850–1860-х ГОДОВ

Культурные и художественные традиции составляют один из существенных элементов творчества И. С. Тургенева, и среди них не на последнем месте стоит духовное наследие немецкой культуры. Несомненное влияние идей и творчества Ф. Шиллера на Тургенева было замечено довольно рано.

Тургенев, как известно, начал свою литературную деятельность, как поэт, автор стихотворений и поэм. Есть в его ранних стихотворных опытах и баллады. Ещё М. Гершензон увидел в его романтической поэме «Стено» (1843) «зерно романа». Возможно, отталкивание от «старой манеры» «Записок охотника» и обращённость к ёмким поэтическим образам как к зёрнам, из которых развёртывается роман, позволило Тургеневу создать синтетический в жанровом отношении роман. Такими зёрнами могли стать любовные сюжеты баллад Шиллера, ведь, по верному замечанию Г. Дудека, в основу «Рудина» и последующих романов Тургенева положена любовная история, дающая начало эпическому полотну (2 : 21). Баллада Шиллера, включённая в ткань повествования, сочетая в себе новеллистический тип композиции и стремительность развития сюжетного развития, сглаживает противоречие между романом и повестью в художественном мире тургеневских романов.